

въ Бѣлгородскомъ у.	-	-	4 зав. съ 104 чел.
„ Путивльскомъ у.	-	-	1 „ „ 12 „
Итого	-	-	128 зав. съ 479 чел.

Стало быть, по всеѣмъ 10 уѣздамъ овчинныхъ заведеній приходится по 1 на каждые 1400 дворовъ, или на 9000 душъ обоего пола. Цифра ничтожная, въ сравненіи съ тѣмъ спросомъ, который существуетъ на промышленниковъ этой категоріи въ нашихъ деревняхъ, такъ какъ извѣстно, что каждый крестьянинъ, держащій овецъ, всегда шьетъ себѣ шубы изъ собственныхъ овчинъ. Если предположить, что на каждую шубу для взрослого человѣка понадобится 5—6 овчинъ, а на шубу для подростка—3—4 овчины, то для каждой семьи понадобится, по крайней мѣрѣ, 14—15 овчинъ, полагая на семью, minimum, 2 шубы большихъ и 1 поменьше. Гдѣ же тутъ управиться однимъ мѣстнымъ овчинникомъ? Все вѣстѣ они не выдѣлаютъ и $\frac{1}{2}$ того, что потребляется ежегодно населеніемъ. Очевидно, здѣсь принимаетъ участіе чья то посторонняя рука, которая и додѣлываетъ все, что не успѣваютъ сдѣлать свои мѣстные мастера. И дѣйствительно, выдѣлка овчинъ и до сихъ поръ находится еще въ значительной степени въ рукахъ находжихъ Калужскихъ овчинниковъ, которые ежегодно, около Успеньева дня, цѣлыми толпами прибываютъ сюда и размѣщаются по разнымъ пунктамъ, смотря по высотѣ спроса на ихъ трудъ въ той или другой мѣстности. Въ одномъ мѣстѣ, какъ, напр., въ многолюдномъ большомъ селѣ Понырахъ, Фатежскаго уѣзда, сядутся 3—4 человѣка, въ другомъ селеніи 2, а гдѣ спросъ не особенно великъ и населеніе не такъ густо, какъ напр. въ Грайворонскомъ уѣздѣ, 1 овчинникъ „справляетъ“ разомъ 2—3 деревни. Было бы, конечно, въ высшей степени интересно опредѣлить истинное количество такихъ находжихъ мастеровъ, какъ опредѣлили мы въ своихъ сборникахъ число мѣстныхъ производителей; мы и старались это сдѣлать во время мѣстныхъ изслѣдованій, путемъ разспросовъ крестьянъ на сходахъ, но, къ сожалѣ-

нію, положительнаго результата никакого добиться не могли. Спрашиваемъ, напр., въ д. Ивановкѣ: „были у васъ калужскіе овчинники нынѣшней зимой?“—Нѣтъ, новѣ не было, отвѣчаютъ крестьяне,—въ Никулино отдавали выдѣлывать овчины, вотъ прошлый годъ былъ одинъ, а въ позапрошломъ двое приходило, жили въ нашей деревнѣ.“ Въ Никулинѣ обращаемся къ крестьянамъ съ тѣмъ же вопросомъ: были у васъ овчинники нынѣшней зимой?—„Былъ, какъ же,—отвѣчаютъ здѣсь. А прежде бывали когда нибудь.—Нѣтъ прежде никогда не заглядывали, это первый годъ только приходили“...

Подите, вотъ тутъ разберитесь во всей этой путаницѣ. Овчинникъ—что портной, перелетная птица, нынче былъ въ одной деревнѣ, а завтра въ другой... Угоняться за ними нельзя. Нахожіе овчинники совершенно неуловимы для статистики, такъ какъ ихъ никакимъ образомъ невозможно уложить въ такіе же стройные и точные ряды цифръ, въ какіе укладываются промышленники мѣстные, курскіе.

Такой порядокъ дѣлъ—выдѣлка овчинъ „чужими“ руками, мастерами, приходящими изъ чужихъ краевъ—практикуется здѣсь издавна, „изъ предкѣвъ“, „изъ віку“. Приходя сюда калужскіе овчинники нанимаютъ обыкновенно себѣ какую нибудь „хибарку“ у крестьянина, пристраиваютъ здѣсь чанъ, нанимаютъ 1—3 работниковъ и работаютъ здѣсь съ Успенья до масляницы; затѣмъ все дѣла ими ликвидируются и они отправляются во свояси, унося съ собою каждый разъ очень приличный заработокъ въ 150—200 рублей. Такъ велось 100—200 лѣтъ тому назадъ, такъ ведется и до сихъ поръ.

Овчинники мѣстные, свои стали появляться въ Курской губерніи только очень недавно, всего какихъ нибудь 10—12 лѣтъ назадъ, когда особенно обострился и тяжелой тучей повисъ надъ крестьянами грозный вопросъ малоземелія и прорастающей изъ этого материальной нужды.